государственном уровне, формируется в масштабе наднациональных властных структур. Социальная реальность основывается на идеале разнообразия и неоднородности, разрушается идея и понятие «массы»: «мозаичная демократия» (О. Тоффлер) и «микрофизическая власть» (М. Фуко) становятся реальностью информационно-коммуникативной социальности.

Оформление идеи становления знания как ресурса власти и управления делает очевидным многие социально-культурные последствия трансформации роли знания в условиях информационной социальности. Трансформация коснулась и института университетского образования. Перед произведенным знанием стоит задача немедленного использования, задача компенсации промышленных инвестиций; и сфера образования становится важнейшим средством, обеспечивающим лидерство в сфере высоких технологий. Университет превра-

щается в инструментарий власти, в сферу бизнеса. В сферах образования и науки формируются новые социальные слои, которые способны стать средоточием власти, — ими является «оверстрат интеллектуалов».

В заключение отметим, что становление информационной социальности трансформировало представление о власти, дополнив представление о традиционной гносеологической властной роли истины представлением о власти социокультурного характера: очевидной становится социокультурная природа института социальной власти. В XX в. была трансформирована метафизическая ориентация философии, в силу чего множественность, гетерогенность истины и «микрофизика» власти были легитимированы. Знание добавило к своей важнейшей функции не менее важную функцию социокультурную, превратившись в ресурс власти и управления информационно-коммуникативного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакун Л.А., Шумаван А.И. Что за «третьей волной»? // Полис. — 1991. — № 5. — С. 19–42.
2. Земсков А. Информационное общество — открытое общество // Новая книга. — 1998. — № 8. — С. 28–41.
3. Пугачев В.П. Информационный тоталитаризм как перспектива либеральной демократии в XX веке // На рубеже веков. — 1997. — № 4. — С. 15–21.
4. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2001. — 606 с.
5. Рейнин Г.Р. Знание и информация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.humans.ru/humanc/24313>, 2002.
6. Белл Д. Грядущее информационное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Наука, 1999. — 613 с.
7. Тоффлер О. Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. — М.: Наука, 1991. — 212 с.
8. Тоффлер О. Третья волна // США — экономика, политика, идеология. — 1982. — № 7. — С. 3–17.

Поступила 11.10.2006 г.

УДК 17

К ПОИСКУ ОСНОВАНИЙ НОВОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ОТ КОГНИТИВНЫХ КРИТЕРИЕВ К ГУМАНИСТИЧЕСКОМУ ИЗМЕРЕНИЮ

Анна А. Корниенко

Томский политехнический университет
E-mail: anna_kornienko@mail.ru

Обсуждается проблема кризиса современной цивилизации, обусловленного дегуманизирующей ролью научно-технического прогресса, и пути формирования нового, гуманистического мироотношения и гуманистически ориентированной науки.

Характеризуя жизнедеятельность общества, человек все чаще обращается к термину «дегуманизация», применяя этот термин и к науке, полагая, что наука, выполнив свою гуманистическую миссию, дегуманизировала то, к чему была обращена: систему ценностей, систему образования и культуры. Наука выступает в качестве существенного достижения цивилизации, однако успехи разума для человека оборачиваются и своей противоположностью: наука своими достижениями многое обещает, но ими же реально угрожает человеку. Так совершающаяся компьютерная революция радикально

меняет формы и характер интеллектуальной деятельности. Человек освобождается от рутинных процедур, они передаются машине, но дополнительные резервы времени используются для продуцирования творений интуиции не эффективно, так как для их появления нужен определенный инкубационный период, который, возможно, совпадает во времени с выполнением этих рутинных механических процедур. Сложившаяся ситуация порождает настороженное, недоверчивое отношение к науке, формирует понимание того, что традиционный тип рациональности в науке исчерпал свои

возможности и стал опасен для человека. В науке, ориентированной на этот тип рациональности, все человеческое исключено из познавательного процесса и потому чисто объективистское научное знание, отделенное от человека, — это бездушное знание. Воистину, рациональность, порожденная разумом, вытеснила разум. Сегодня очевидно, что логико-гносеологическую модель науки, в основе которой лежит подобный тип рациональности, должно заменить иной моделью — моделью науки, базирующейся на гуманистическом типе рациональности.

Есть и другая сторона проблемы. В поисках причин сложившейся ситуации дегуманизирующими факторами науки нередко полагают нарастающие абстрактности научных построений, формализацию и математизацию научных теорий, технизацию социальной жизни и технологизацию общественного производства, обусловленные использованием достижений естествознания. В сущности такое истолкование положения вещей является выражением антисциентистской позиции, но поскольку подобные суждения высказываются серьезными учеными, не хочется верить, что их следует понимать в прямом смысле. Скорее всего речь здесь идет о предпосылках дегуманизации общественной жизни, созданных благодаря успехам науки. Чтобы разобраться в этом, есть смысл обратиться к истории.

Когда-то учение Аристотеля являло собой синтез античных представлений о действительности, завершивший переход от мифологического объяснительного принципа, основанного на уподоблении всего человеку, к объяснительному принципу, основанному на уподоблении всего живому. Мир Аристотеля — это, по сути, Ноосфера в масштабе Вселенной, составные части которой автономны в своем движении к идеальной форме, но иерархически соподчинены в своих конечных целях. Аристотелевский бог — это еще не христианский Бог, а Ум Вселенной, сущность которого идеальна, а вечная жизнь состоит в мышлении о наилучшем. Это идеальный Философ, движущий мир к совершенству любовью к Мудрости. Он идеален, рационален и, в отличие от христианского Бога, еще не отделен от Мира, а органически включен в состав Вселенной как ее необходимая и главная составная часть. Создается впечатление, что взгляды Аристотеля как нельзя лучше соответствуют потребности нашего времени и что больше всего сегодняшнему Миру недостает аристотелевского идеального бога-Философа.

Христианский Бог, в отличие от аристотелевского, уже не принадлежит вечно существующему Миру, а творит его. Вера в бога, считал Р. Гвардини, открыла верующим возможность взглянуть на мир со стороны. Нам же представляется, не менее важной для человека была возможность взглянуть на мир глазами творца, именно в этой точке, мы полагаем, произошел поворот от созерцательного отно-

шения к миру к созидательному. Человек еще не осмеливался осознать себя в роли творца, но он уже становится таковым в практической деятельности, основанной на достижениях античного естествознания. Успехи естествознания последующих столетий довершили дело. Утратив бога мудрого и заинтересованного, человечество отвернулось в решении своих земных проблем и от бога карающего и недостижимого. Но, взяв на себя устройство своей земной жизни, человечество не осознало пока еще надлежащим образом ответственности за результаты своих усилий, как не изобрело и земного варианта идеального и рационального Философа. Успехи науки в изучении неживой, живой и мыслящей материи открыли возможность решить многие проблемы обустройства земной жизни. Но, в отличие от Природы, которая, создавая жизнь, неизменно заботилась о погружении в свои глубины всего, что ей противоречило, — «Все совершенно, выходя из рук природы», — человечество не делает этого или делает, но не все, что необходимо.

Несет ли Наука ответственность за такое обустройство земной жизни? Да, ибо «... каждый естествознатель должен быть в необходимой по его роду деятельности степени гуманитарием, чтобы предвидеть социальные последствия результатов своей деятельности. Точно так же каждый гуманитарий должен быть в надлежащей мере естествознателем, чтобы не порождать систем, противоречащих реальной истории и деформирующих общество» [1]. Это очевидно. Но столь же очевидно и то, что мера этой ответственности за различные стороны жизни общества должна быть различной в зависимости от сферы деятельности человека. Если естествознатель несет главную ответственность за состояние материальной жизни общества, то гуманитарий за состояние духовной. Различна мера этой ответственности и в зависимости от масштабов деятельности человека.

И здесь мы подходим к главному. Осуждать естествознание за формализм его инструментария равнозначно тому, что осуждать философию за абстрактность ее категориального аппарата. И гуманитарии, и естествознатели находятся сейчас «в одной лодке»: ни у тех, ни у других нет рационально обоснованных представлений о законах существования и развития живой и мыслящей материи. Все, что мы сейчас знаем, — это то, чего не следует делать, но что следует делать, если этого не делать, мы не знаем. Сегодня существует идея отказа от прогресса. Одним из ее вариантов является призыв к автотрофному существованию, подобному тому, какое можно наблюдать в биоценозах. С философской точки зрения эта идея несостоятельна, потому что все, что замкнуто, то конечно в пространстве и имеет конечную историю, что противоречит идее жизни как вечного бытия.

На наш взгляд, речь идет не о необходимости отказа от прогресса, а о необходимости новой науки, становление которой связано с решением фун-

даментальных философских и общенаучных проблем, касающихся формирования нового типа рациональности. Если в ходе природно-социальной эволюции обществу, находящемуся под эгидой природы, было достаточно руководствоваться в своей жизнедеятельности знанием о конечном, оставляя на волю природы отношение конечного человеческого мира и бесконечного мира природы, то в условиях социально-природного развития общества эта проблема все больше ложится на плечи человечества. В этом свете проблема отношения материализма и идеализма приобретает новый смысл. Речь уже не может идти о противостоянии одного другому, в котором одно отменяет другое, ибо то и другое в новом понимании обретает трансцендентальный статус. Поэтому проблема новой рациональности предстает как проблема создания трансцендентальной логики, выражающей взаимоотношение материального и идеального, в рамках которой все виды творений и творчества природы и человека обрели бы свое место и общий смысл.

Как же обстоит дело сегодня с решением проблемы поиска новой рациональности? Сформировавшаяся в XX в. концепция постнеклассической рациональности [2, 3] исходит из положения о том, что знания об исследуемом объекте соизмеряются со средствами деятельности и с ее ценностно-целевыми структурами, что неправомерно понимать под рациональным лишь то, что выступает в качестве антипода иррациональному, то есть лишь логически обоснованное, существующее в пределах разума. На наш взгляд, это лишь один из подходов к определению понятия рационального. Сегодня предпринимается попытка придать этой категории более широкий смысл, распространить ее на всякую деятельность, и, если не решить, то, по крайней мере, поставить проблему возможности рационализации всякой деятельности и выявления критериев рациональности.

В историческом плане проблема расширительного толкования понятия рационального поднималась на рубеже XVII–XVIII вв., когда была предпринята попытка развести понятия «рациональность знания» и «рациональность действия». При этом рациональное трактовалось в широком смысле – как упорядоченное согласно определенным принципам, научно обоснованное, организованное, строго и точно калькулируемое. В этом заключен так называемый когнитивный смысл понятия рационального, примененного к знанию, в том числе и к знанию научному, представляющему собой высший тип рациональности. Рациональное научное знание в классическом понимании – это знание, удовлетворяющее ряду критериев научности: истинность, интересубъективность (общезначимость), системность, логическая непротиворечивость. Но рациональное может быть рассмотрено и в широком социальном контексте – с учетом роли и значения социального континуума в формировании критериев рациональности.

Безусловно, рациональность характеризует не только сферу науки и не является специфической особенностью только области теоретического мышления. Любая область, которой присущи ценностные отношения, может быть охарактеризована с использованием категории «рациональность». А. Эйнштейн сказал однажды, что Ф.М. Достоевский сыграл в появлении теории относительности роль значительно большую, чем К.Ф. Гаусс, показав, что искусство и «чистая мысль», научное творчество связаны в едином процессе: разумное невозможно вне интуиции, реализующей эвристическую функцию разума, а художественное сознание – то, что оттачивает, шлифует интуитивную способность исследователя. Можно сказать, что любая духовная и практическая деятельность, включающая в себя элемент познавательной деятельности и поэтому представляемая как феномен сознания, характеризуется рациональностью, что не исключает различия в критериях рациональности, скажем, в деятельности научной, эстетической, религиозной.

В последние годы в поисках путей гуманизации научной рациональности возник новый срез изучения, суть которого заключена в том, что понимание рациональности научного знания не только изменчиво, но эта изменчивость социально обусловлена – так представление о критериях рациональности научного знания в границах немецкой классической философии отлично от того, которое сформировалось с момента, когда наука превратилась в социальный инструмент. В науке существует известная связь и взаимодополняемость между когнитивными критериями рациональности и критериями социальными. И те, и другие образуют своего рода контур, в пределах которого «... когнитивные критерии рациональности обуславливают специфику ее социальных критериев, а социальные критерии рациональности через определенные механизмы влияют на формирование когнитивных критериев» [4]. Следовательно, если удастся выявить социокультурные факторы, влияющие на развитие науки, можно увидеть, что за когнитивными характеристиками «скрыты» представления о рациональности социального действия. Проблема здесь, на наш взгляд, состоит в том, чтобы выяснить: с какими сторонами социального связанного рационального в науке и как? Нам представляется, что влияние социального континуума на научную деятельность проявляет себя наиболее очевидно в линейной зависимости «социальная потребность => предмет науки => тип научной теории (критерии научности)». Социально обусловленное изменение предмета исследования выступает как самый мощный фактор, определяющий вид и тип теории, меняющий представление о научности. Так необходимость решения энергетических проблем требует разработки вопросов, связанных с термоядерным синтезом. При этом социально обусловленное изменение предмета физической науки с необходимостью требует изменения вида физической тео-

рии и, соответственно, критериев научности. История науки изобилует ситуациями, в которых предмет науки «вынуждает» исследователя создать принципиально новую теорию для объяснения физического явления. В свое время А. Эйнштейн пытался обосновать роль кванта, не сводя эту роль к формальному математическому примеру. М. Планк не принял этого обоснования, но проникновение в тайны ядра привело его к таким идеям и конструкциям, которые самому М. Планку представлялись абсурдом — предмет «обусловил» возникновение новой физической теории.

Таким образом, наличие специфических и общих черт в понимании рационального в различных сферах человеческой деятельности приводит к представлению о рациональном как многоуровневой и разветвленной системе категорий, структура которой на каждом этапе общественного развития соответствует бытующим в научном сообществе представлениям о структуре человеческой деятельности. Научная рациональность оптимизирует человеческую деятельность, благодаря научной рациональности возможно научное прогнозирование, научная рациональность является средством создания моделей целесообразного изменения. Рассмотренная в динамике, развивающаяся наука в качестве своего компонента может включать в себя и заблуждение, знание не всегда характеризуется полнотой. Поэтому в каждый конкретный момент времени сложно решить вопрос о рациональности той или иной концепции или гипотезы. Формы и средства рациональной реконструкции исторически изменчивы: геометрия Евклида в течение двух тысяч лет была образцом построения научного знания, и она перестает быть таковой, кажется нерациональной с точки зрения той формы, которую придал ей У. Гилберт. Чисто научное обоснование меняет свою стабильность, меняется рациональная оценка теории. Так дифференциальное и интегральное исчисление в изложении И. Ньютона и Г.-В. Лейбница отлично от идей О.-Л. Коши и К.-Т. Вейерштрасса.

Представление о рациональном как многоуровневой и разветвленной системе категорий в сочетании с проблемой научности знания неизбежно ставит вопрос об идеале рациональности. Интуитивно представляется очевидным, что гносеологическим идеалом рациональности является научная теория. Действительно, научная теория — это особый подход к освоению мира, особая форма организации знания. Научная теория дает целостное представление о закономерностях существования объекта. Адекватность отражения, четкость, логическая непротиворечивость структуры знания в рамках теории, системность и внутренняя структурность научного знания, полнота и практическая значимость — все это делает научную теорию идеалом рациональности. В процессе построения теории вырабатываются теоретические средства представления знания, осуществляются процедуры система-

тизации. Этот процесс теоретизации науки и есть процесс ее рационализации. Именно становление научной теории сообщает науке высшие характеристики рациональности: всеобщность, необходимость, всесторонность, системность, объективность, достоверность, методологическую продуктивность и практическую значимость. В историческом плане для науки не менее важным, чем создание научной теории, является сам процесс теоретизации как основа рациональной реконструкции всего процесса развития науки. Исследовательская мысль движется от идеальных научных теорий до их иерархий, основания которых составляют фундаментальные теории. Так роль подобных фундаментальных теорий в современной физике играют теория относительности и квантовая теория. Их принципы находят воплощение в релятивистской астрофизике, релятивистской космологии, релятивистской и квантовой механике, квантовой статистике, квантовой электронике, квантовой электродинамике.

Во второй половине XX в. техногенная цивилизация столкнулась с очевидными проблемами, свидетельствующими о кризисе небывалого масштаба, что нашло выражение в ряде моментов, главными среди которых являются проблема выживания человеческого рода как качественно своеобразной ступени в эволюции живой природы, проблема выведения человечества за грань надвигающейся экологической катастрофы, исключение опасности уничтожения биосферы, а также проблемы, порожденные современными информационными технологиями — проблема человеческих коммуникаций, проблема общения. Решение этих и других подобных вопросов требует усилий глобального масштаба. Поскольку этот кризис порожден в конечном счете развитой наукой, ценность НТП в общественном сознании становится проблематичной. Поэтому, как реакция на возникшие проблемы, формируются антисциентистские установки, ориентирующие массовое сознание на мысль об ограниченности возможностей науки, на представление о науке как чуждой сущности человека силе, возлагающие на науку ответственность за все социальные катастрофы. Сама наука тоже оказалась в кризисе, так как ее гносеологические возможности и, следовательно, возможности современной научной рациональности как свойства науки и способа освоения мира, оказались недостаточно развиты для того, чтобы предотвратить возникновение кризисной ситуации.

Положение можно изменить, придав научному прогрессу гуманистический облик, сформировав гуманистическое измерение научной рациональности, гармонизированное со сферой социальных ценностей, сделав гуманистические ориентиры определяющими в эволюции науки как сферы познания. Постигнув в полной мере социальность науки, ее связь с целостной культурой цивилизации, человек сможет науку гуманизировать. В конечном

счете человеку предстоит решить вопрос о научной рациональности с позиций гуманистического мироотношения и создать тем самым новую, гуманистическую модель науки.

Основанием для разрешения этой проблемы может стать новое понимание гуманизма, что, в свою очередь, послужит основанием для возникновения нового, гуманистического типа научной рациональности. Это означает, что проблема синтеза «человек-наука-гуманизм» должна обрести принципиально новое звучание. Традиционная концепция построена на толковании гуманизма как ценностных отношений, ориентированных на человека, антропоцентризм делает человека центром и непревзойденной целью мироздания, гуманистическая традиция исходит из признания ценности человека как личности, признания человеческого блага критерием оценки всех социальных структур и признания человека высшей целью.

Формирующаяся сегодня концепция гуманизма, в отличие от предшествующих, не обособляет человека в мире и, тем более, не протвоставляет человека миру, а представляет человека в мире и потому мир для человека выступает как самоценность, а значит и ценность знания должна определяться не его конкретно-временной полезностью, — что диктуется «принципом потребления», — но тем, что знание — это душа человеческой культуры, душа всей истории научной и духовной цивилизации, а, следовательно, также самоценно. Самоценно все то, что есть: являясь самоценностью, существующее превращается в ценность для человека. Поэтому дегуманизация науки сегодня, дегуманизация современного научного рационализма, проявляющаяся в утрате связи науки и человека, в технизации науки, в отчуждении знания от того, кто его производит, может быть преодолена, но лишь через гуманистический подход к рациональности.

Как должна решаться в этом случае проблема научной рациональности? Человечество, желающее построить гуманное общество на научной основе, дол-

жно сформировать представление о науке, позволяющее ввести в критерии научной рациональности человеческий фактор. Тогда рекомендации науки будут ограничены рамками допустимого для человека. Методологически это означает приоритетное положение гуманистических критериев по отношению к прочим критериям научной рациональности. Научная рациональность в этом случае утрачивает свое прежнее свойство быть самоценностью, так как обретает принципиально новую характеристику: она становится выражением сущностных свойств человека, обретает человеческое качество.

Для земной цивилизации на современной стадии ее эволюции трансцендентный социум и трансцендентный дух, видимо, останутся пока предметом вненаучного познания, ибо перед земной цивилизацией стоит сейчас более насущная проблема сохранения жизни как таковой, без рационального разрешения которой проблемы более высоких форм рациональности утратят свое значение и смысл. Поэтому основные усилия в решении проблемы новой рациональности сейчас, очевидно, должны быть направлены на формирование научной рациональности, позволяющей объяснить и сохранить живое и жизнь. Выход, на наш взгляд, один — приступить к объединению усилий естественников и гуманитариев, теоретиков и практиков с тем, чтобы обеспечить опережающее развитие фундаментальных и прикладных исследований, ибо только такое положение вещей является нормальным в условиях, когда общество перешло от природно-социальной эволюции к социально-природному развитию и, следовательно, взяло на себя ответственность за состояние дел не только в обществе, но и в освоенной им природной среде обитания. Организационные принципы и социальные структуры, позволяющие создать такие условия, сохранять и совершенствовать их, — это и есть тот земной вариант заинтересованного, рационального и идеального Философа, в котором так нуждается человечество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лекторский В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Вопросы философии. — 2004. — № 3. — С. 15–26.
2. Рац М. Воинствующий рационализм или «разумная рациональность»? // Вопросы философии. — 2002. — № 6. — С. 18–30.
3. Нугаев Р.М. Смена развитых научных теорий: ценностные измерения // Вопросы философии. — 2002. — № 11. — С. 13–26.
4. Наука и культура (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. — 1998. — № 10. — С. 3–21.

Поступила 11.10.2006 г.